

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения
по Танскому Китаю)

Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый сборник в значительной мере отражает содержание докладов, прочитанных на научной конференции "Танский Китай и соседни", проведенной сектором Дальнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в декабре 1982 г.

Китай VII-X вв., времени правления династии Тан (618-906), был мощным политическим, экономическим и культурным центром Дальнего Востока. После падения династии Хань в начале III в. н.э. Китай при Тан вновь был объединен. Это было не простое объединение страны в пределах одной территории. Социальные и политические институты Китая, его культура синтезировали все то лучшее, что было достигнуто на севере и на юге страны в период ее четырехвековой раздробленности. Танские социальные формы стратификации общества, правосознание, естественные науки, идеология Тан, танская литература оказали большое воздействие на молодое государство Дальнего Востока - Японию и Корею.

Изучать Дальний восток периода Тан это во многом изучать те явления в культуре, литературе, идеологии, социальной и политической сфере, которые определили облик Китая и стран Дальнего Востока на многие столетия вперед.

Сборник открывается статьями Г.Я.Смолина, Э.С.Стуловой и Л.К.Павловской, связанными по содержанию с восстанием Хуан Чао (875 - 884 гг.). Статья Г.Я.Смолина характеризует внутривнутриполитическую обстановку в стране, позицию ряда цзедуши в период восстания. Статьи Э.С.Стуловой и Л.К.Павловской раскрывают трактовку образа предводителя восстания - Хуан Чао в китайской литературе жанров баоцзвань и пинхуа. Это оригинальные материалы, мало использовавшиеся исследователями.

Весьма любопытны статьи И.Т.Зограф и И.С.Гуревич, посвященные литературе жанра бяньвэнь, ставшей известной из дунхуанских материалов. Анализируя язык бяньвэнь и китайской прозы династий Сун и Янь, И.Т.Зограф приходит к выводу, что бяньвэнь представляли собой периферийную линию развития китайской литературы, прервавшуюся в начале XI в. И.С.Гуревич в своей статье развивает положение о том, что произведения жанра бяньвэнь, связанные с буддийскими сюжетами, характеризуются языком более близким к разговорному языку той эпохи, чем бяньвэнь на светские сюжеты.

Статьями В.М.Рыбакова, Е.М.Козиной и Е.И.Кычанова представлено в сборнике танское право. Все авторы основывают свои наблюдения о положении личности, семьи и должностного лица в Китае на матери-

алах "Тан лой шу и", "Кодекса династии Тан с комментариями и разъяснениями" (653 г.), первого средневекового китайского кодекса, сохранившегося полностью до наших дней.

А.С.Мартынов на примере доклада известного танского поэта Юань Чжэня императору Сянь-цзуну рассматривает в своей статье отношения концепции сакральной китайской монархии с конфуцианской доктриной. Это одна из проблем традиционной политической идеологии Китая, исследованию которой А.С.Мартынов посвятил многие годы.

Помимо уже упоминавшихся статей Э.С.Стуловой и Л.К.Павловской, литература стран Дальнего Востока представлена статьями В.Н.Горегляда и Л.В.Ждановой о японской и корейской поэзии на китайском языке и статьей М.И.Никитиной об интерпретации буддийской легенды из "Самгук уса". Исследование литератур соседних с танским Китаем народов показывает не только усвоение ими элементов китайской культуры, но и приспособление этой культуры к местным условиям, ее постоянную трансформацию на местной почве. В.Н.Горегляд устанавливает, что каноны, выработанные в Японии для сложения стихов на китайском языке (канси) были перенесены на чисто японскую поэзию (вака), обладавшую собственной спецификой. В статьях Л.В.Ждановой исследуется реализация индивидуальности двух китайских поэтов и одного поэта корейского, писавшего по-китайски, при разработке одинакового сюжета, и взаимодействие представлений о мире, принадлежащих к разным идеологическим системам, в рамках одного текста. М.И.Никитина, долгие годы работающая над реконструкцией категорий и интерпретацией древнекорейской культуры, на примере легенды об основании буддийского храма Пэнвольсан показывает взаимоотношения местной корейской мифологии с буддизмом.

А.В.Масловым для сборника подготовлена публикация переводов акад.В.М.Алексеева из антологии танской поэзии "Тан ши свань", сделанных им в годы Великой Отечественной войны.

Статьи Т.Г.Комиссаровой "Буддийские каталоги династии Тан" и И.Э.Циперович "Китайская новелла "чуаньци" периода Тан (УП-IX вв.). Библиография советских исследований и переводов" представляют труды по библиографии Тан.

Уже один этот краткий перечень показывает, сколь многообразны проблемы, связанные с исследованием периода Тан и Дальнего Востока УП-IX вв. вообще. Хотелось бы, чтобы и прошедшая конференция, и данная публикация стали началом претворения в жизнь некоего "Танского проекта" в Ленинграде, проекта, который бы объединил специалистов, чьи научные интересы так или иначе связаны с Дальним Востоком УП-X вв. Регулярные конференции и публикация их материалов

содействовали бы решению многих кардинальных проблем средневековой истории и культуры стран Дальнего Востока.

В.Н.Горегляд
Е.И.Кычанов

Г.Я.Смолин

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 874-901 гг. И ТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ (ЦЗЕДУШИ)

Известно, сколь ощутимо влияли на жизнь Танской империи второй половины VIII – начала X в. цзедуши (или фаньчжэнь) – генерал-губернаторы, как принято называть их в отечественной литературе.¹ Сложные взаимоотношения этих правителей периферии с центральной властью, а равно и между собой нередко определяли ход и исход важнейших внутри- и даже внешнеполитических событий. Решающую роль сыграли они и во время крестьянской войны 874-901 гг. под предводительством Ван Сяньчжи и Хуан Чао: именно цзедуши – китайцам и инородцам (тюркам-шато и тангутам) – суждено было вместе с их армиями, насчитывавшими каждая тысячи и десятки тысяч солдат, стать главной военной силой, которая совладала с восставшими. Свыше двух десятков генерал-губернаторов непосредственно подвизались на этом поприще, некоторые же и возвысились именно благодаря кровавым "подвигам" в "укротении" повстанцев – как, например, цзедуши Чжэнь-хая² Цянь Лю, будущий основатель южнокитайского царства У-Де, сясуиньский цзедуши тангут Тоба Сыгун или яньмэньский – тюрк-шато Ли Кэюн, провозглашенный впоследствии родоначальником (Гао-цзу) северокитайской династии Поздняя Тан.

Казалось бы, цель, которой добивались правители империи после глубоко потрясших страну в 50-80-х годах VIII в. мятежей Ань Лушаня, Ши Сымина и других генерал-губернаторов, – превратить институт цзедуши в надежный оплот порядка внутри и на внешних границах "Срединного государства" – достигнута. В действительности, однако, все обстояло гораздо сложнее.

Генерал-губернаторы многократно осуществляли широкие и энергичные меры по подавлению восставшего крестьянства даже самостоятельно, одними собственными силами, особенно в тех случаях, когда угроза со стороны повстанцев нависала непосредственно над подвластными им территориями. Карательные кампании против отрядов Ван Сяньчжи и Хуан Чао они предпринимали и во взаимодействии либо сообща